

УДК 81-2

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2021.2/3422>

О КЛАССАХ ФОНЕМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

А. Л. Шарандин

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

ABOUT PHONEME CLASSES IN RUSSIAN

A. L. Sharandin

G. R. Derzhavin Tambov State University

Аннотация: в статье представлен нетрадиционный взгляд на состав классов фонем в русском языке. Выделены **четыре класса фонем**: **1) консонанты** (шумные согласные) – являются неслоговыми и имеют фонологические признаки звонкости/глухости и твердости/мягкости; **2) сонанты** – реализуют фонологический признак твердости/мягкости и не реализуют фонологического признака звонкости/глухости, а также оказываются нейтральными по отношению к признаку слоговости/неслоговости; **3) глайды** – являются неслоговыми и не реализуют фонологические признаки звонкости/глухости и твердости/мягкости; **4) гласные** – им присущи слоговость и отсутствие звонкости/глухости и твердости/мягкости. Наиболее ярким представителем глайдов является [j]. Это особая фонема, в которой ослаблены признаки согласного и сонора, но в то же время не реализуются в полном объеме и признаки гласного (слоговость). В качестве его аллофона выступает [j̥] – «и-неслоговой», а также «йотовый нуль» в позиции перед гласным [u]. Основным вариантом глайдовой фонемы представлен [j]. Этот звук может быть произнесен изолированно, тогда как звук [j̥] возможен только в фонетической связке с другими звуками. В классе консонантов признаки глайда имеют аллофоны [b] и [b']. В случае различения шумных согласных по звонкости – глухости перед [b] мы имеем дело с сонантом [b], а в случае оглушения [b] и его смешения с [f] – перед нами консонант. Это позволяет охарактеризовать их как переходные звуки – консонантно-сонорные.

Ключевые слова: фонема, аллофон, фон, классы фонем, русский язык, сонанты, глайд.

Abstract: the article presents an unconventional view of the composition of phoneme classes in the Russian language. Four classes of phonemes are distinguished: 1) consonants (noisy consonants): are non-syllabic and have phonological signs of sonority/deafness and hardness/softness; 2) sonants: implement the phonological sign of hardness/softness and do not implement the phonological sign of sonority/deafness, and are neutral in relation to the sign of syllabicity/non-syllabicity; 3) glides: are non-syllabic and do not implement the phonological signs of sonority/deafness and hardness/softness; 4) vowels: they are characterized by syllabicity and lack of sonority/deafness and hardness/softness. The most prominent representative of glides is [j]. This is a special phoneme in which the signs of the consonant and sonor are weakened, but at the same time the signs of the vowel (syllabicity) are not fully realized. Its allophone is [j̥] – "and-non-syllabic", as well as "yot zero" in the position before the vowel [u]. The main variant of the glide phoneme is represented by [j]. This sound can be pronounced in isolation, whereas the sound [j̥] is only possible in phonetic conjunction with other sounds. In the consonant class, glide features have allophones [b] and [b']. In the case of distinguishing noisy consonants by sonority-deafness before [b], we are dealing with a sonant [b], and in the case of deafening [b] and mixing it with [f], we are dealing with a consonant. This allows us to characterize them as transitional sounds – consonant-sonor.

Key words: phoneme, allophone, background, phoneme classes, Russian language, sonants, glide.

* Автор выражает искреннюю признательность профессору А. А. Кротову за предварительное обсуждение материалов статьи, которое позволило автору более четко и аргументированно представить результаты исследования.

© Шарандин А. Л., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение. Об актуальности фонологических исследований

Фонологическая проблематика в настоящее время не является широко распространенной в исследовательском пространстве языковых проблем. Об этом наглядно свидетельствуют немногочисленные публикации в полидисциплинарных журналах и в неспециализированных сборниках, а также нечастое проведение конференций по данной проблематике. Поэтому вполне естественным и закономерным был вопрос, сформулированный в «Фонологической анкете – 2019»: «В чем причины спада интереса к фонологии?» [1].

Ответы на него отразили разные стороны причин. Прежде всего выделяются причины, связанные с развитием новых лингвистических направлений и с тем, что обращение к фонологии в них стало «немодным», а также с тем, что методология фонологии оказалась несовместимой с их методологиями. Показательным в этом плане был ответ А. А. Кретьева: «Фонология была эталоном строгости научного мышления и гармонировала с пафосом структурализма... С пафосом когнитивной лингвистики фонология и ее методология несовместимы» [1]. Немаловажным фактором спада интереса к фонологическим проблемам стало и широкое распространение экспериментальной фонетики, которая, по мнению Н. В. Супрунчук, «дает ощущение большей объективности» [Там же], что, скорее всего, достаточно спорно. При этом, с точки зрения М. Джусупова, в самой «фонологической системе медленно происходят изменения» [Там же], которые обуславливали бы их осмысление в контексте развития языка.

На наш взгляд, снижение внимания к фонологическим проблемам вообще и русского языка в частности обусловлено тем, что, *во-первых*, произошла смена научных парадигм – системоцентрическое описание языка уступило место антропоцентрическому описанию. Фонология наиболее ярко демонстрировала достижения системоцентрического (структурного) изучения языка. Во многом это определялось природой фонологических единиц – фонем и аллофонов, которые, имея лишь план выражения, позволяли достаточно строго структурировать их, используя оппозитивный метод. *Во-вторых*, фонология выполнила свое предназначение. Она представила в лучших своих исследованиях результаты структурного подхода к описанию фонологического (фонетического) уровня, которые достаточно полно отразили состояние экспериментального (фонетического) и функционального аспектов как в плане их отдельного изучения, так и в плане их единства. *В-третьих*, фонология с ее оппозитивным методом и учением о нейтрализациях определила дальнейшее исследовательское направление на других уровнях

языковой системы и с точки зрения их самостоятельного описания, и с точки зрения описания в междуровневом взаимодействии. Тем самым она позволила увидеть перспективы дальнейших исследований на других уровнях. В этом смысле фонология оказалась как бы уже исчерпавшей себя в значительных результатах теоретического характера. Поэтому в большей степени стали востребованными практические изыскания в этой области, детализирующие или конкретизирующие те или иные теоретические установки (положения) и представленные в экспериментальной фонетике, а также исследования по поэтической фонологии (фонетике), где антропоцентризм как ведущий принцип исследования обуславливает их научную востребованность.

Поэтому естественным и закономерным был один из заключительных вопросов этой анкеты: «Каковы перспективы развития фонологической теории?». На наш взгляд, можно выделить ответ А. А. Кретьева, который связывает перспективы с возвращением к синтезирующим синхронию и диахронию, речь и язык фонологическим идеям Бодуэна и С. И. Бернштейна [1]. Необходимость повышения *системности* (упорядочить термины и понятия) и увеличения *связи с практикой* (с достижениями экспериментальной фонетики и психолингвистики, речевыми технологиями, дефектологией) отмечает Н. В. Супрунчук [Там же]. В этом плане важны и связи с орфографической практикой, направленной на решение проблемы совершенствования русской орфографии.

О соотношении терминов «звук» и «фонема»

В рамках настоящей статьи рассмотрим проблему выделения основных классов фонем в русском языке, а также некоторые особенности корреляции (соответствия) фонетического и фонологического подходов к определению их состава. На первый взгляд, данная проблема всегда в той или иной степени присутствует при рассмотрении фонетического и фонологического материалов. Однако в нашем случае обращение к ней связано со стремлением уточнить существующую традиционную классификацию, выделяемую, прежде всего, в учебных источниках.

Основополагающим вопросом в данной проблематике является *вопрос о соотношении терминов «звук» и «фонема»*. Казалось бы, именно он достаточно подробно и детально рассматривается в фонологических штудиях, но тем не менее, в материалах «Фонологической анкеты – 2019» данный вопрос присутствует в следующем виде: «Как соотносятся понятия “фонема” и “звук языка”?» Казалось бы, ответ на него очевиден и был дан еще Н. С. Трубецким, который, по существу, видел их тождественность, т. е. *звуки языка и есть фонемы*, тогда как «звуки речи» оказывались единицами фонетики. По

его мнению, «целесообразно вместо одной иметь две “науки о звуках”, одна из которых ориентировалась бы на речь, а другая – на язык... **Мы будем называть учение о звуках речи фонетикой, а учение о звуках языка – фонологией**» [2, с. 9]. Ср.: «Совокупность всех, как фонологически существенных, так и несущественных, признаков, которые обнаруживаются в той точке звукового потока, где реализуется фонема, мы называем **звуком языка**» [2, с. 45].

Поэтому мы полностью согласны с мнением А. А. Кретьева о том, что «“звук языка” — оксюморон. В языке... нет и не может быть “звука”. Может быть “образ звука”...» [1]. Поэтому большинство исследователей признают «неудачность» (Н. В. Супрунчук), «некорректность» (А. М. Белов) данного сочетания. Однако в научной и учебной литературе по-прежнему присутствует и сохраняется недостаточно четкое (амбивалентное) употребление термина «звук». Так, Л. В. Щерба определял соотношение звука и фонемы таким образом: «Мы видим, что в живой речи произносится значительно большее, чем мы это обыкновенно думаем, количество разнообразных звуков, которые в каждом данном языке объединяются в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, т. е. служить целям человеческого общения. Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных звуках речи. Мы будем называть их **фонемами**. Реально же произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в котором реализуется общее (фонема), будем называть *оттенками фонем*» [3, с. 18]. По мнению Н. В. Супрунчука, «не совсем понятно соотношение единиц языка и речи у Л. В. Щербы и М. И. Матусевич в «Грамматике русского языка»: «Наконец, слоги делятся на отдельные звуки речи, или фонемы...»; и ниже: «Фонемы с лингвистической точки зрения не делятся на самостоятельные части, а потому и оказываются простейшими единицами языка» [1]. При этом Н. В. Супрунчук обращает внимание и на отождествление понятий «звук речи» и «фон» у Л. Р. Зиндера, цитируя следующее его высказывание: «Звук речи (фон) – это продукт единичного произносительного акта, поэтому он разнится от индивидуума к индивидууму, от произнесения к произнесению. Гласный в одном и том же слове, например *дом*, неодинаков в произнесении». Это будут все разные фоны, но представляющие один и тот же аллофон фонемы /о/. Фоны как единицы материальные целиком относятся к речи. В них представлены языковые единицы – аллофоны соответствующей фонемы, определяемые той или иной позицией, а через аллофоны и сами фонемы. Итак, фонема представлена в каждой фонетической позиции определенным аллофоном, воплощенным в реальной речи в виде звука речи (или, иначе, фона)» [4, с. 60–61].

В этой цитате примечательно также то, что аллофон считается не речевой, а языковой единицей.

Вывод, к которому приходит Н. В. Супрунчук, следующий: «Чтобы избежать терминологической путаницы, лучше, думается, ограничиться парой “фонема – звук”. Фонема – это минимальная языковая единица, лишенная значения и служащая для образования и различения морфем и слов. В речи фонема представлена рядом позиционно чередующихся звуков. В крайнем случае, при доказанной целесообразности терминологически допустимой представляется тройка “фонема – звукотип – звук”» [1].

В этом противопоставлении учтены следующие моменты: **фонема** – единица языка, которая является отвлечением («образом») от **аллофонов** («образов» единиц речи = звуков = фонов) как единиц речи, образующих своего рода парадигму фонов фонемы, т. е. звуков в речи носителей языка, а **фон** – индивидуальный звук, произносимый отдельным носителем языка, т. е. один из аллофонов той или иной парадигмы фонемы. Однако если не учитывать коллективное и индивидуальное произношение, то целесообразно иметь противопоставление «фонема – аллофон (фон)». В рамках настоящей статьи мы отождествляем понятия аллофона и фона, хотя в будущем не исключаем закрепления за этими терминами содержательных различий: *аллофон* – «коллективный образ звука», что придает ему, по существу, статус языковой единицы, а *фон* – индивидуальный звук речи, входящий в аллофон на правах члена звуковой парадигмы.

Первые попытки определить соотношение фонемы и звука (фона) мы находим уже в работах Бодуэна де Куртенэ, который отмечал несовпадение материальной субстанции с лингвистической сущностью фонемы. Он рассматривает звук как преходящее явление, а фонему как непреходящее, постоянное явление. Ср.: «Пока мы имеем дело с преходящим говорением и слушанием, нам достаточно термина “звук”, обозначающего простейшую фонационную произносительную единицу, вызывающую единое фонетическое впечатление» [5, т. 1, с. 351]. Утверждая, что фонема – не физическая единица, Бодуэн де Куртенэ считает тем самым, что фонема – единица языковая, имеющая абстрактную природу. Это означает, что фонема и звук полностью не тождественны, ибо, по его мнению, фонема – это психологический звук. Он пишет: «Фонема – единое представление, которое возникает в душе посредством слияния впечатлений, полученных от произнесения одного и того же звука – психический эквивалент звуков языка» [Там же, с. 271]. В этом высказывании, как легко заметить, присутствует соотносительность фонемы со звуком, но при этом восприятие звука, выступающего в качестве представителя фонемы, обусловлено психологическим фактором, который предполагает выбор на ос-

нове «впечатлений, полученных от произнесения одного и того же звука», которые создают своего рода психологический образ («эквивалент звуков языка») фонемы. Понятие «психологический» в этом случае подчеркивает субъективность объективно произнесенных звуков. Но эта субъективность оказывается объективной в восприятии носителей языка. Поэтому, скорее всего, сочетание «звуки языка» у Бодуэна де Куртенэ не имеет строгой терминологической соответственности с понятием фонемы и с разграничением языка и речи. Показательным в этом плане является следующее высказывание Бодуэна де Куртенэ: «Понятие “фонема” разлагается на два существенно различные: 1) просто обобщение антропофонических свойств, 2) подвижной компонент морфемы и признак известной морфологической категории» [5, т. 1, с. 122]. В первом понимании фонема получила развитие в фонетических трудах ленинградцев, а во втором – в трудах москвичей.

В работах Н. С. Трубецкого противопоставление «звуки языка» – «звуки речи» обусловило выделение двух самостоятельных аспектов – фонологического и фонетического и различное их понимание с точки зрения функциональности. Согласно Н. С. Трубецкому, «фонолог должен принимать во внимание только то, что в составе звука несет определенную функцию в системе языка» [2, с. 18], и поэтому фонему он определяет как совокупность «фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию» [Там же, с. 45]. Это значит, что звуковое образование, наряду с фонологически существенными признаками, имеет и фонологически несущественные признаки, т. е. собственно фонетические. Следовательно, понятие «звук речи» оказывается шире понятия «фонема», поскольку фонема – это звук (в фонетическом смысле), только функционально нагруженный. Если же звуки будут различаться фонетическими признаками (т. е. фонологически несущественными), то они будут представлять собой не различные фонемы, а различные звуки речи, аллофоны (фоны) одной фонемы. Но при этом немаловажно то, что эти аллофоны формируют звуковую парадигму фонемы в случае ее фонологической ненагруженности. Для того чтобы определить, какой из звуков речи представляет фонему, необходимо рассмотреть их представленность в сильной позиции, в которой функционально нагруженный звук будет выполнять смыслоразличительную функцию. И тот звук, акустические характеристики которого реализуют в сильной позиции фонологически существенные признаки, оказывается фонемой. Другими словами, фонема совпадает с одним из аллофонов (фонов), представленных в составе звуковой парадигмы.

Основанием для разграничения понятий «фонема» и «звук» может служить и разграничение понятий

«парадигматика» и «синтагматика», которые также в определенном смысле коррелируют с понятиями «язык» и «речь»: «язык – это парадигматика»; «речь – синтагматика». При этом следует помнить, что полной тождественности между ними не обнаруживается (о степени правомерности и обоснованности такой взаимосвязи в фонологии см.: [6, с. 19–22]. По отношению к разграничению фонемы и звука это проявляется в следующем.

Фонема – это явление парадигматического плана, ибо представляет собой «класс физически сходных и функционально тождественных звуков» [7, с. 219]. Звук же – явление синтагматического плана, поскольку представляет собой сегмент речевого потока, который характеризуется как «непрерывная линейная последовательность звуков» [8, т. 1, с. 14]. В этом разграничении проявляется, по существу, различие между позициями говорящего и слушающего. Говорящий использует ту или иную парадигматику фонемы, из состава которой он осуществляет выбор реализации фонемы в речи. Для слушающего в большей степени фонема предстает в синтагматическом плане, в результате чего фонема отождествляется с определенным фоном (звуком).

На наш взгляд, парадигматический характер фонемы находит отражение в распространенном определении фонемы как «звукотипа». Л. В. Щерба писал: «...в живой речи произносится значительно большее, чем мы это обыкновенно думаем, количество разнообразных звуков, которые в каждом данном языке объединяются в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, служить целям человеческого общения. Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных звуках речи. Мы будем называть их фонемами» [9, с. 132].

Классы фонем в русском языке

Рассмотрим, прежде всего, *какие классы фонем выделяются исследователями*, поскольку традиционное представление этих классов не совсем точно отражает положение дел с их выделением в фонологической системе русского языка.

Прежде всего, однозначно выделение *класса гласных фонем*, а не отдельных фонем в этом классе. Основопологающим моментом для исследователей оказывается слоговой характер, который присущ гласным звукам. При этом они являются слогаобразующими не только в составе звуковых комплексов (слов) с согласными, но и в качестве одиночных представителей слога. Поэтому гласные по существу оказываются силлабо-фонемами, т. е. самостоятельный гласный звук одновременно представляет собой и фонему (звук), и силлабему (слог). Это обуславливает выполнение гласными слогаобразующей функ-

ции, а также их статус как *минимальных произносительных единиц – слогов* в составе морфемы (слова).

В других классах фонем такой однозначности в отношении их роли в слоогообразовании нет. Правда, если иметь в виду системный (собственно языковой), а не функциональный (речевой) аспект, то в принципе однозначность можно видеть у класса шумных согласных, которым присуща неслоговость как системный признак.

Что же касается соноров (сонантов), то они нейтральны в отношении слоогообразования: при определенных условиях они могут быть слоогообразующими (*жи-знь, смо-тр*), хотя в соседстве с гласными всегда бывают неслоогообразующими (*жи-зни, смотри*). Поэтому на основе признака слоговости – неслоговости можно выделить **три класса фонем** (звуков): *гласные* (слоговые) – *консонанты* (неслоговые) – *соноры* (нейтральные).

Учитывая то, что в русском языке минимальной речевой произносительной единицей является слог, то произношение фонем в той или иной акустико-артикуляционной форме осуществляется только в составе слога. Другими словами, звуковые соответствия фонемы (т. е. фоны) мы воспринимаем в качестве речевых представителей слога или представляющих собой слог как единицу речи. Именно в его рамках реализуются такие фонологические признаки (категории), как звонкость/незвонкость (глухость) и твердость/нетвердость (мягкость). Причем фонологическая категория твердости/мягкости характеризует и шумные, и сонорные согласные, тогда как фонологическая (различительная) звонкость/глухость присуща только шумным согласным. Следовательно, *признак звонкости/глухости является маркированным*, более важным в отношениях между этими категориями. Поэтому *русский язык* и определяется как *консонантный*.

В классификационном плане деление фонем на три класса коррелирует с выделением классов по признакам твердости/мягкости и звонкости/глухости. Релевантность обоих признаков, т. е. имеющих фонологическую (смыслоразличительную) существенность, присуща консонантам (шумным согласным). Например, *дом – том, сок – с`ок, ос – ос`* и т. д. Сонорные, в отличие от шумных, не реализуют фонологическую категорию звонкости/глухости, но им присуща категория твердости/мягкости (*мал – м`ал, знаком – знаком`, ом – ом`* и т. д.). В результате с учетом слогового характера и фонологических признаков мы имеем представление фонологической системы русского языка, включающей **три класса фонем** – *консонанты* (шумные согласные), *сонанты* (соноры) и *гласные*.

Данная классификация, в принципе, может быть получена и на основе только признака слоговости –

неслоговости, поскольку в системном плане консонанты характеризуются отрицательно, сонанты – нейтрально по отношению к нему, а гласные имеют положительное значение данного признака.

О выделении глайдов

Однако и данное выделение классов может быть уточнено в связи с рассмотрением фонемы [j], которая традиционно включается в состав соноров. Эта фонема является *единственной* в своем роде: *среднеязычная* согласная (других среднеязычных в русском языке нет). Кроме того, она не имеет фонологически значимых противопоставлений по звонкости – глухости и твердости – мягкости. При этом мягкость (*палатальность*, а не палатализованность) – это ее *природное свойство*, которое присуще фонеме [j] в любой позиции.

Имеет [j] и *синтагматические (дистрибутивные) ограничения*, которые обычно преодолеваются подлинными сонорами. В частности, [j] в качестве фона (звука) не может выступать в начале слова перед согласной и между согласными, тогда как соноры в этой позиции представлены (ср.: «досмо[трш`]ик»; «о[тмш`]ение»; «бе[зр]авственный» и т. д.).

По отношению к [j] в лингвистической литературе высказано **два принципиальных мнения о его статусе в системе звуков речи**. Большинство лингвистов считают, что [j] – это согласный (сонант, сонор) – среднеязычный щелевой. Наиболее ярко он проявляется перед ударным гласным (ср.: [j`áма] и [суд`j`á]). Первоначально [j] на учете таких его свойств, как фрикативность и наличие голоса как такового (безотносительно к преобладанию шума над голосом или голоса над шумом), относили к согласным в широком смысле, понимаемом фонетически. Однако, как отмечает Н. А. Еськова, «фонема [j] должна быть зачислена в разряд сонорных, что и сделано, например, в “Очерке грамматики” Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова». По ее мнению, «[j], являясь звонким согласным звуком в фонетическом смысле (т. е. произносимое с голосом), не противопоставлено в звуковой системе русского языка соответствующему глухому. Его звонкость, таким образом, не является фонематическим признаком. А под сонорностью, как нам кажется, как раз и следует понимать «нефонологическую звонкость» [10, с. 18].

В контексте данного вывода целесообразным представляется разграничить термины «сонорность» (и соответственно соноры) и «сонантность» (сонанты), закрепив за сонорами фонетический статус, а за сонантами – фонологический (фонематический) статус. Другими словами, соноры – это звуки речи (фоны), характеризующиеся теми или иными акустико-артикуляционными признаками. Сонанты же – это фонемы, противопоставляемые консонантам (акусти-

ческий класс шумных согласных). Они выделяются на основе фонологических противопоставлений в системе русского языка.

Однако статус [j] как сонанта (сонора) также вызвал определенные возражения в его противопоставлении уже таким сонантам, как (р, л, м, н). Прежде всего, отсутствием у [j] фонологического противопоставления по признаку твердости – мягкости, поскольку он ни в одной из возможных фонетических позиций не представлен в твердом варианте, являясь по своей природе изначально палатальным (мягким) звуком. Кроме того, [j] обнаруживает во всех словах неслоговой характер, т. е. он никогда не выполняет функцию слогаобразования, тогда как другие соноры таким функциональным свойством в некоторых позициях обладают (*ль-да, жи-знь* и т. д.). Естественно, в этом случае признак неслоговости системно отличает [j] и от гласных. Поэтому сторонники другого подхода к статусу [j] рассматривают его как особый звук, отличный как от согласных, включающих соноры, так и от гласных.

Это дало повод обособить его терминологически и назвать «глайдом», т. е. звуком, обладающим признаками негласного и несогласного [11]. В русской терминологии в отношении [j] часто встречались термины «полусогласный» и «полугласный». Такая статусная двойственность, нашедшая отражение в терминологии, свидетельствует о его особом положении в системе фонем русского языка. Это фонема *переходного типа*. Она не входит в фонологические корреляции согласных по звонкости – глухости и твердости – мягкости, а также не имеет фонологическую релевантность сонора по признаку твердости – мягкости. Это *особая фонема*, в которой ослаблены признаки согласного и сонора, но в то же время не реализуются в полном объеме и признаки гласного (слововость), поскольку [j] имеет неслоговой характер. Поэтому ее, скорее всего, можно квалифицировать как фонему особого класса – «*глайдов*», т. е. синкретичных фонем переходного типа. В качестве основного варианта выступает [j] – в позиции перед ударным гласным.

Правда, графически сильная позиция [j] не закреплена. Мы имеем графему «й» (и-краткое), которая, однако, отражает позицию не [j], а [i] (и-неслогового). Что же касается слов типа *майор, район*, в которых [j] в сильной позиции перед ударным гласным, то их написание в таком варианте не соответствует нормам литературного произношения. Вопрос, связанный с отсутствием специального графического обозначения для [j], вполне может быть связан с историей его развития. Так, по предположению Н. А. Еськовой, фонема [j] «не всегда занимала то место в фонетической системе русского языка, которое свойственно ей теперь... В эпоху появления письменности это место

было совсем иным, и современное соотношение стало возможным после падения редуцированных. Случаен ли тот факт, что изобретатели славянских алфавитов не создали для [j] особого графического знака? Они обладали достаточной самостоятельностью и “фонологическим чутьем”, чтобы не последовать в этом вопросе за греческим алфавитом, если бы факты того славянского диалекта, на основе которого была создана славянская письменность, толкали на это» [10, с. 76].

Таким образом, [j] в системном аспекте оказывается противопоставленным по отсутствию фонологического признака твердости – мягкости сонантам, а по наличию фонологического признака неслоговости – гласным фонемам.

Итак, с учетом рассмотрения [j] и категории неслоговости/слововости в русском языке можно выделить **четыре класса фонем**: **1) консонанты** (*шумные согласные*) – являются неслоговыми и имеют фонологические признаки звонкости/глухости и твердости/мягкости; **2) сонанты** – реализуют фонологический признак твердости/мягкости и не реализуют фонологического признака звонкости/глухости, а также оказываются нейтральными по отношению к признаку слововости/неслоговости; **3) глайды** (ниже этот класс будет представлен и другими своими представителями) – являются неслоговыми и не реализуют фонологические признаки звонкости/глухости и твердости/мягкости; **4) гласные** – им присущи слововость и отсутствие звонкости/глухости и твердости/мягкости. Однако в составе этих классов некоторые фонемы обнаруживают специфику, которая позволяет учитывать ее в их характеристике в составе этих классов фонем и тем самым выделять эти специфические фонемы.

Специфика фонем [в] и [в']

В классе *консонантов* в этом плане выделяются фонемы [в] и [в'], которые в слоге проявляют свойства сонантов (соноров). Это выявляется в сочетаемости с ними шумных согласных. Как известно, в сочетании шумных друг с другом не реализуется различие по звонкости/глухости в плане смысловозначения (ср. *подбить, подтопить (поттопить), подпнуть (потпнуть), отбить (одбить)*). Однако перед [в], [в'] этого не происходит: [в] и [в'] ведут себя как соноры (*дворец – творец, дверь – Тверь*; ср.: *[драва] – [трава]*). Но в конце слова и перед глухими согласными [в], [в'] оглушаются. Причем в отличие от позиционного оглушения соноров, сопровождающегося количественными, а не качественными изменениями, оглушение [в], [в'] носит качественный характер: происходит смешение со звуками [ф], [ф'], которые рассматриваются как глухие по отношению к ним, образуя тем самым соответствующие пары по звонкости –

глухости. Ср.: *кров* – [кроф], *кровь* – [кроф'], *явка* – [j'афка], *штрафбат* – [штравбат].

Судьба консонантной фонемы [в] примечательна тем, что изначально эта фонема представлена в говорах как сонорный звук. При этом в данных говорах отсутствует фонема [ф], которая могла бы участвовать в противопоставлении по звонкости/глухости. По словам Н. А. Еськовой, «вместо оглушения, характерного для литературного языка, в позиции неразличения глухости и звонкости наступает вокализация, т. е. звучание в виде у неслогового» [10, с. 18]. Она также обращает внимание и на отсутствие у этой фонемы и вообще у соноров глухой пары в разных языках. «Из всех согласных, производимых с голосом, только для этих существует принципиальная возможность не иметь в системах отдельных языков соответствующих глухих. Все другие звонкие согласные обязательно бывают противопоставлены в языке парным глухим» [10, с. 18]. Причем, замечает она, «обратное соотношение – глухие согласные без парных звонких – встречается по разным языкам» [10, с. 18–19].

Как известно, появление [ф] в русском литературном языке определяется более поздними временными сроками. Данный звук был заимствован, и с течением времени появились позиционные условия для его противопоставления [в]. В результате это противопоставление стало основываться на признаке звонкости/глухости, который в слабой позиции – конца слова – сопровождался оглушением [в]. А. А. Кретов, выделяя глайды, пишет: «Чередование же Ф-В-В': кро/ф/ – кро/в/а – о кро/в'/е и Ф'-В-В': кро/ф'/ – кро/в/авый – кро/в'/ и свидетельствует о том, что [В] – неслоговой вариант глайда {У}, вступил в сговор с иностранным агентом – греческим согласным /ф/ с целью внедриться в систему консонантов, выдав себя за согласную фонему и создав видимость корреляции по звонкости-глухости, твердости-мягкости». Судя по большинству описаний фонетики русского языка, эта попытка почти что увенчалась успехом. Сонантный характер /в/ выдают только глухие согласные, «не желающие признавать в нем звонкий согласный и озвончаться перед ним, продолжая сохранять перед ним свою глухость, как перед всеми остальными сонантами {Р, Л, М, Н}, не входящими в корреляцию по глухости-звонкости» [12, с. 116]. Поэтому, с его точки зрения, «глайды – это фонемы-“хамелеоны”: в слоговом варианте они стремятся скопировать все корреляции гласных (ср. их поведение в и.-е. языке), а в неслоговом – все корреляции согласных. С помощью [Ф] сонант [В] ведет себя как типичный консонант, создавая видимость оглушения перед глухими согласными, но не может “заставить” истинные консонанты озвончаться перед ним, как перед звонким согласным» [121, с. 117].

Таким образом, можно предположить, что мы имеем своего рода две различных фонемы, представленных фонем [в]: 1) *сонорный*, который оказывается внепарным по звонкости – глухости, (а точнее, вне фонологического признака «звонкость – глухость»); 2) *консонантный* (шумный), обнаруживающий противопоставление по звонкости – глухости. Эти два типа звуков закреплены за позициями их различения. В случае различения шумных согласных по звонкости – глухости перед [в] мы имеем дело с сонантом [в], а в случае оглушения [в] и его смешения с [ф] – перед нами консонант. Поэтому не замечать данной особенности у звуков [в], [в'] в системе согласных было бы неправомерно.

Однако возникает вопрос о том, почему эти особенности не обусловили их выделение в качестве особого типа звуков? Почему они включаются в состав консонантов, а не сонантов? Ответ на него, на наш взгляд, содержится в решении вопроса о том, какой из признаков – звонкость-глухость или мягкость-твердость – является более важным, маркированным? В системе согласных признак звонкости-глухости оказывается более значимым, чем твердость-мягкость, ибо все согласные, характеризующиеся звонкостью-глухостью, реализуют и твердость-мягкость, тогда как наоборот необязательно: признак твердости-мягкости не предполагает реализацию фонологического признака звонкости-глухости. Поэтому фонемы [в], [в'] оказываются в классе консонантов, которые имеют своего рода *позиционного представителя в классе соноров* в виде данных звуков.

Однако, на наш взгляд, в классификационном аспекте, учитывая синкретизм фонем [в] и [в'], можно их рассматривать как *глайды*, наряду с [j], т. е. как *переходные* между консонантами и сонантами, совмещающие в себе признаки тех и других в плане употребления (функционирования) перед ними согласных по признаку звонкости – глухости. Ср.: *свить* – [св'ыт'] и *сделать* – [зд'эльт']. Они оказываются своего рода – *консонантно-сонантными (сонорными)*. Как отмечает Н. А. Еськова, «фонема [в] литературного языка «завершила» путь от сонорной к шумной согласной» [10, с. 76]. На наш взгляд, статус глайда по отношению к [в] позволяет видеть *неполное завершение этого перехода* в системе консонантов, поскольку фонологические признаки сонантов полностью не были утрачены.

О противопоставлении [j] и «и-неслогового» (i)

Дополнительного комментария требует и **рассмотрение [j] в связи с его фонем и-неслоговым**. В отношении к нему исследователи отмечают, что [j] в определенных позициях, в частности конца слога и перед безударным гласным, утрачивает ту или иную

степень сонорности и предстает как гласный [и], но только в неслоговом варианте, т. е. сохраняет в этом случае сонорный признак неслоговости, утрачивая при этом функциональную слоговость, присущую сонорам.

Отличием [j] от гласного [и] является наличие шума и большее напряжение речевого аппарата в фокусе образования шума. Что же касается отличия между [j] и [i] (и-неслогового), то [i] артикулируется при более широкой щели и с более слабой воздушной струей. Поэтому шум почти совсем не слышен, и [i] воспринимается как неслоговой гласный (или полу-гласный) [13, с. 157].

Более приемлемой для традиционного подхода является точка зрения, согласно которой [i] – это согласный аллофон сонора [j], фонетически обусловленный употреблением [j] в определенных позициях. В этом случае [j] и [i] представляют собой аллофоны одного класса звуков – соноров. При этом отмечается, что «различие между звуком *j* русского языка (образуемым при сравнительно широкой щели между языком и небом и потому со слабым трением и шумом) и *й* на слух не всегда уловимо» [14, с. 59].

По мнению Н. А. Еськовой, в русском языке «мы не можем найти такого случая, где различие этих звуков ([j] и [i]. – А. Ш.) было использовано для разграничения смысла, но легко можем привести одну и ту же морфему то с тем звуком, то с другим: [мой], [маја]; [стајат’], [стой]... и т. п. Позиционная обусловленность того и другого звучания несомненна. Из этих двух звучаний (с возможными переходными случаями) и складывается то, что мы определяем как фонему [j] в современном русском языке. При этом основным звучанием для (j) является [j]: этот звук может быть произнесен изолированно, тогда как звук [й] возможен только в окружении гласных; кроме того, только в [j] обнаруживается согласный характер фонемы [j]» [10, с. 20].

Особый интерес вызывает произнесение [j] в позиции перед ударным гласным [и]. В этом плане обращает на себя внимание то, что буква «и» находится в одном ряду с такими буквами, как «е, ё, ю, я», которые, как правило, являются показателем мягкости предшествующего согласного в словах типа *мел, мёл, мял, *мюл*. Если же слово начинается с них, то мы имеем сочетания типа «j`э, j`о, j`у, j`а» (*j`эл’, j`олка, j`ук, j`ама*). Вполне логично предположить наличие [j`] и в словах, начинающихся с [и], т. е. [*j`их*], [*j`избы*], [*j`и*] или после гласного перед ударным [и] – [*маj`и*]. Такое решение, в частности, представлено в учебнике «Современный русский язык» (под ред. В. А. Белошапковой): перед гласной фонемой (после гласной) буквами «я, ё, е, ю, и» обозначают йот [j`] + следующая гласная фонема [15, с. 119]. Ср. также примеры из «Русской грамматики – 80»: [вороб[и]

[8, с. 37]; из «Современного русского литературного языка» (под ред. П. А. Леканта): [моji] (но: ива) [16, с. 129].

Думается, в современном произношении перед ударным [и] йот в своем основном варианте не произносится. Об этом свидетельствует тот факт, что слова с «йотовым» началом сохраняют в произношении [j`]: он не выпадает. Ср.: [к j`угу], [в j`ам`ь] и т. д. В словах же с начальным «и» этого не происходит. Ср.: [в ызбу], [в ых] [17, с. 167], хотя допускается и непереход [и] в [ы], т. е. произношение типа [в`j`ызбу]. Ср. также: К`ире и К j`Ире. Однако у [j`], как известно, есть звуковые варианты, среди которых чаще всего называется «и-неслоговое» (нами принято обозначение i`). В частности, его выделяют в следующих случаях: 1) перед безударными гласными (между гласными) (*мо i`у*); 2) перед согласными (*маi`ка*); 3) на конце слова (*сараi`, moi`*).

Близость [i] к [и] приводит к тому, что в словах типа *Избы, и* (название буквы) он почти сливается с фонемой [и]. Этому есть определенное *физиологическое обоснование*. Как отмечает Е. А. Еськова, «для восприятия *j* на слух необходимо, чтобы [й] было Уже [и]. При одинаковой степени подъема язык при [и] и [й] последнее ассимилируется гласной и на слух звучит уже не [йи], а просто [и] [10, с. 31]. Поэтому его присутствие оказывается не таким ярким и контрастным, как в словах типа «моi`у». Более того, как замечают фонетисты, перед [и] фонема [j`] по существу выражается нулем [18]. Все это создает возможность его выпадения в формах типа [в ызбу]. Следовательно, вполне логично было бы мягкость предшествующих согласных посредством «и» объяснять «йотированным» характером этой буквы, который, правда, представлен не сильным, а слабым вариантом. И тогда транскрипция слов типа *изба* будет иметь следующий вид – [i`ызба], а слово «и» – [i`ы], т. е. слова, обозначающие названия букв «ы» и «и», будут различаться наличием фонемы [j], только представленной, согласно традиции, вариантом [i`]: [ы] и [i`ы] или *йотовым нулем* в словах типа *моИ, свАи*. В последнем случае можно принять следующее обозначение йотового нуля – j⁰.

Таким образом, статус [j] как глайда позволяет объяснить наличие двух типов аллофонов – согласного (точнее, сонантного (сонорного)), представленного вариантом [j], и гласного (вокального), представленного [i].

Позволяет глайдовый характер [j] объяснить и его факультативность в определенных условиях употребления. Показательно в этом плане функционирование [j] и [i] перед [и]. Большинство исследователей считают, что перед [и] нет [j]. Более того, они отмечают, что в этой позиции [j] реализуется нулем звука [10, с. 20; 16, с. 119; 19, с. 50]. Думается, с этим пол-

ностью согласиться нельзя. Ср.: [суд`і`Ы] и [суд`Ы]. Наличие морфемного шва достаточно ярко свидетельствует о йотовом присутствии. В данном случае именно наличие [i] оказывается тем, что различает данные слова, поскольку акцентные характеристики у них одинаковые. Однако это не означает, что [j] и [i] – самостоятельные фонемы. По существу, мы имеем дополнительно распределенные позиции, в которых перед ударным гласным выступает [j], а перед безударным – [i]. Следовательно, перед нами аллофоны (варианты) одной фонемы – [j].

Выводы

Рассмотрение вопроса о составе классов фонем русского языка в рамках настоящей статьи показало, что традиционное выделение двух классов – согласных и гласных – требует уточнения. Прежде всего, такое уточнение представлено в отношении сонантов (соноров), которые в настоящее время большинством исследователей выделяются в качестве самостоятельного фонемного класса, поскольку обнаруживают в противопоставлении консонантам (шумным согласным) и гласным специфику в реализации фонологических признаков звонкости/глухости, твердости/мягкости и неслоговости/слоговости. Однако среди них требует уточнения статус [j], который не реализует признака твердости/мягкости, будучи по своей природе мягким (палатальным, а не палатализованным). Кроме того, он оказывается во всех функциональных позициях неслоговым (неслогообразующим), тогда как соноры могут быть слоогообразующими. В результате [j] обнаруживает специфику как представитель класса глайдов. Таким образом, мы имеем **четыре класса фонем в русском языке: консонанты** (шумные согласные), **сонанты** (соноры), **глайды** и **гласные**.

Что же касается состава фонем в этих классах, то некоторые фонемы в функциональном плане также обнаруживают некоторые особенности, которые как бы отличают их в сравнении с прототипическими аллофонами, представляющими основные варианты фонем. Так, в классе консонантов выделяются аллофоны [в] и [в'], которые обнаруживают свойства сонантов (соноров), что позволяет охарактеризовать их как переходные звуки – консонантно-сонорные. В классе глайдов также можно выделить функциональные звуки в составе аллофонов [j] – [и-неслоговой], который можно квалифицировать как переходный звук – сонорно-вокальный, и йотовый нуль, как правило, в позиции перед неударным [и].

ЛИТЕРАТУРА

1. Фонологическая анкета – 2019. URL: http://genling.spbu.ru/phonolog/conference/2019_Programme.pdf

2. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 372 с.
3. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М.: Высшая школа, 1963. 149 с.
4. Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; М.: Академия, 2007. 576 с.
5. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. 384 с. Т. 2. 392 с.
6. Воронкова Г. В. Проблемы фонологии. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1981. 136 с.
7. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1977. 342 с.
8. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 784 с.
9. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.
10. Еськова Н. А. Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М.: Языки славянских культур, 2011. 647 с.
11. Якобсон Р., Фант Г., Халле М. Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. Вып. 2. С. 217–230.
12. Кретов А. А. Индекс морфем И. Б. Иткина и фонемы русского языка // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 115–127.
13. Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М.: Просвещение, 1976. 288 с.
14. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1945. 236 с.
15. Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
16. Современный русский литературный язык / под ред. П. А. Леканта. М.: Высшая школа, 1982. 399 с.
17. Руделев В. Г., Пискунова С. В. Русские консонанты // Фонология. Тамбов: ТГПИ, 1982. С. 166–170.
18. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 256 с.
19. Виноградов В. А. Консонантизм и вокализм русского языка: Практическая фонология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 85 с.

REFERENCES

1. Fonologicheskaya anketa – 2019. Available at: http://genling.spbu.ru/phonolog/conference/2019_Programme.pdf
2. Trubetskoy N. S. *Osnovy fonologii*. M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1960. 372 p.
3. SHCHerba L. V. *Fonetika frantsuzskogo yazyka*. M.: Vysshaya shkola, 1963. 149 p.
4. Zinder L. R. *Obshhaya fonetika i izbrannye stat'i*. SPb.: Filol. f-t SPbGU; M.: Akademiya, 2007. 576 p.
5. Baudouin de Courtenay I. A. *Izbrannye trudy po obshhemu yazykoznaniiyu*. T. 1–2. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. 384 i 392 p.

6. Voronkova G. V. *Problemy fonologii*. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1981. 136 p.
7. Solntsev V. M. *Yazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie*. M.: Nauka, 1977. 342 p.
8. Russkaya grammatika. T. 1. *Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya*. M.: Nauka, 1980. 784 p.
9. SHCHerba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. L.: Nauka, 1974. 428 p.
10. Es'kova N. A. *Izbrannye raboty po rusistike: Fonologiya. Morfonologiya. Morfologiya. Orfografiya. Leksikografiya*. M.: Izd-vo «Yazyki slavyanskikh kul'tur», 2011. 647 p.
11. YAkobson R., Fant G., KHalle M. *Vvedenie v analiz rechi*. In: *Novoe v lingvistike*. Vyp. 2. M.: Izd-vo inostrannoj literatury, 1962. Pp. 217–230.
12. Kretov A. A. *Indeks morfonem I. B. Itkina i fonemy russkogo yazyka*. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2020. No. 4. Pp. 115–127.
13. Matusevich M. I. *Sovremennyy russkij yazyk. Fonetika*. M.: Prosveshchenie, 1976. 288 p.
14. Avanesov R. I., Sidorov V. N. *Ocherk grammatiki russkogo literaturnogo yazyka*. M.: Gos. uch-ped. izd-vo Narkomprosa RSFSR, 1945. 236 p.
15. *Sovremennyy russkij yazyk. Pod red. V. A. Beloshapkovoj*. M.: Vysshaya shkola, 1989. 800 p.
16. *Sovremennyy russkij literaturnyy yazyk. Pod red. P. A. Lekanta*. M.: Vysshaya shkola, 1982. 399 p.
17. Rudelev V. G., Piskunova S. V. *Russkie konsonanty*. In: *Fonologiya*. Tambov: TGPI, 1982. Pp. 166–170.
18. Panov M. V. *Sovremennyy russkij yazyk. Fonetika*. M.: Vysshaya shkola, 1979. 256 p.
19. Vinogradov V. A. *Konsonantizm i vokalizm russkogo yazyka: Prakticheskaya fonologiya*. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1971. 85 p.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Шарандин А. Л., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка
E-mail: sharandin@list.ru

Поступила в редакцию 1 марта 2021 г.

Принята к публикации 22 марта 2021 г.

Для цитирования:

Шарандин А. Л. О классах фонем в русском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 118–127. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2021.2/3422>

G. R. Derzhavin Tambov State University
Sharandin A. L., Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department
E-mail: sharandin@list.ru

Received: 1 March 2021

Accepted: 22 March 2021

For citation:

Sharandin A. L. About phoneme classes in Russian. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2021. No. 2. Pp. 118–127. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2021.2/3422>